

# СЛЕДОМ ЗА СОЛНЦЕМ

«Нодар Думбадзе». Авторы сценария Николай Дроздов, Теймураз Сумбаташвили. Режиссер Николай Дроздов, оператор Лери Миханашвили. Студия «Мемативан».

Нодар Думбадзе — личность без преувеличения феноменальная. Это особенно ясно видится с позиции времени, с расстояния прошедших без него лет. Человеческие качества его в определенной мере вошли в национальную культуру, став так же, как и его произведения, общественным достоянием. Нодар Думбадзе оставил после себя образ добра, воплощением которого был при жизни, и безвременная смерть его была воспринята и хорошо знавшими, и просто соприкасавшимися с ним людьми, как удар по гуманизму.

Он был рыцарем добра, активным его защитником и пропагандистом. Он отвечал для нашей культуры возвышающей душу «романтизм», в годы, когда под эгидой современных веяний модно было провозглашать скептицизм. Примером своей жизни, своей незадавленной человеческой природы заслужил он право на это проповедничество, в котором никто никогда бы не заподозрил лицемерия — одна мораль для литературы, другая — для себя. Человек в нем решал судьбу литератора, и сердце прокладывало путь творчеству.

Трудно переоценить значение и роль Нодара Думбадзе в бурном развитии грузинского кинематографа 60-х годов. Лирическая интонация, близкая к исповедальности искренности, повествование от первого лица... Все эти особенности думбадзевской прозы были тогда взяты на вооружение молодой грузинской кинорежиссурой.

И вот сегодня благодарный кинематограф пытается воссоздать образ Нодара Думбадзе — писателя, гражданина и человека. А мы, глядя на его изображение в который раз, испытываем чувство признательности к создателям целлулоидной ленты, сохранившей живой облик дорогого нам человека.

Скажем сразу — полнометражный документальный фильм о Нодаре Думбадзе задуман и поставлен любовно — прикосновением сердца. Казалось бы, фильм о человеке, оста-

вившем после себя столько благодарных воспоминаний, слов и дел, мог бы сложиться сам по себе — вот ведь какое богатство материала! Но это только кажется. На самом деле авторам фильма пришлось преодолеть сопротивление множества стереотипов. Это и стереотип жанра кинопортрета, обросшего за последние десятилетия множеством штампов, и привычка зрительского восприятия теле- и кинорассказов о выдающихся людях, диктующая авторам свои правила. Например, инерцию складывания материала в привычную цепочку — иллюстрация биографических фактов, плюс панегирическое высказывание. Не так ли построено большинство документальных фильмов-портретов, как капли воды, похожих друг на друга?

Нужна достаточная смелость, чтобы вырваться из всех банальностей, которыми сегодня обфигурован жанр кинопортрета. Будем справедливы: несмотря на несомненное присутствие такой смелости, не все противники живого рассказа о человеке оказались в фильме побежденными, не все барьеры преодоленными, что и создало в нем определенную дактильность.

Большинство высказываний снятых и смонтированных традиционно-длинными планами органично не включаются в ткань повествования ни по смыслу, ни по стилю. Да и все ли они так необходимы? Престижность имени не оправдывает неоригинальности мысли и банальности слов. Все это, конечно же, дань инерции. Не так-то легко уступает она свои обжитые позиции.

Но, к счастью, вставные выступления не стали плавным акцентом фильма. В нем привлекает и радует новаторская попытка создать образ выдающейся личности, не прибегая к последовательному изложению фактов его жизни и литературной деятельности, к дикторскому тексту. Личность Нодара Думбадзе проясняется и выявляется в соответствии с судьбой его героев и его собственными размышлениями о призвании

человека и литератора, о жизни, о вечности. Переплетение это столь гармоничное для человеческой и творческой судьбы самого писателя и стало камертоном, определявшим поэтическую тональность фильма.

Пронзительной нотой прозвучала в нем автобиографическая тема детской обездоленности, горькой тоски по матери, чей смутный, но светлый образ постоянно возникает во всплесках памяти юных героев писателя и в его собственном воображении.

Сиротство, чем бы оно ни было вызвано — войной ли, злодеянием ли в мирное время — страшная, неповторимая беда, утверждает Нодар Думбадзе. Во вторую половину 30-х годов непостижимое зло заползло в некоторые наши мирные семьи, надломив судьбы детей, разлучив их с родителями... Потом кадры старой хроники включают нас в события тех же лет из далекой Испании... Гражданская война... Сотни детей, оставшихся без крова и родителей, голодных, ободранных, с ужасом, застывшим в глазах... Их подбирают у разбитых домов, на улицах, грузят в эшелоны, отправляя за тысячи километров от родных мест. Этот документ времени как бы укрупняет, расширяет образ детского горя, равного которому нет на свете.

Однако образ беда, какой бы горькой она ни была, в творчестве Нодара Думбадзе постоянно связывается с мыслью о человеческой солидарности. Тут нет места отчуждению, озлоблению, поискам путей возмездия, чуждых ему как человеку. Юных испанцев разбирают люди, с радостью решившиеся заменить им родителей: осиротевшего мальчика Зурикелу согрели трое стариков — бабушка, Илико и Илларион. Достоинство фильма в том, что, утверждая думбадзевскую веру в силы добра, он нашел образные ассоциативные связи, расширяющие, обогащающие наше представление об этой особенности прозы писателя-гуманиста. В то же время единый смысловой и стилистический контекст объединяет монтаж фрагментов из художественных фильмов «Я, бабушка, Илико, и Илларион», «Я вижу

Солнце», «В добрый путь, Джарко», «Белые флаги» с отдельными игровыми задачами, которые тактично и тонко выполняет актер Гурам Харабадзе, читающий текст от Думбадзе-автора.

«Если видишь Солнце, то непременно прозреешь», — утешает слепую девочку Хатию учитель... Если в тебе есть хоть капля человеческого — выкрутишься, вылезешь из грязи, утверждает повесть «Белые флаги».

Его проза была излучением добра. Образ Солнца и горной вершины сопровождают в фильме и размышления писателя о смысле жизни, о неизбежности ее конца, о закате. Образы эти стали в нем пластическим эквивалентом мыслей о необходимых постоянном, неотвратимом познания, о тяжелом и трудном пути — восхождении к подлинным жизненным ценностям, о радости каждого нового расцвета и о тоскливой сердечной боли в сумерки. Болью своего чувствительного и ранимого сердца Нодар Думбадзе вывел формулу бессмертия души, основанную на человеческой солидарности и взаимном доверии.

«Душа Тбилиси» провела его в последний путь», вспоминает Андрей Вознесенский. В эпизоде прощания с любимым писателем авторы фильма подошли к подлинной художественной находке. С помощью искусного монтажа документальной и игровой ленты они «вывели» на эти многоясные похороны как живых людей и искренних соболезнователей кинематографических героев Нодара Думбадзе. Хатиа и Зурикела, Нукарча и Джарко... Скорбно глядят они вслед уплывающему по людской реке гробу. Они остаются с нами, эти герои, чтобы обессмертить душу писателя, ушедшего в закат, за вершины гор, следом за Солнцем. И Солнце, постоянно сопутствовавшее творчеству Нодара Думбадзе, подарит свое имя его могиле в детском городке «Мзури».

Грузинские документалисты создали фильм, достойный памяти человека, гражданина и писателя Нодара Думбадзе.

Кора ЦЕРЕТЕЛИ.